

Научная статья

УДК 94(47).072

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

Влияние родственных связей декабристов на следственный процесс 1825–1826 годов: члены семей государственных и военных деятелей, избежавшие суда

Павел Владимирович Ильин

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Аннотация

В статье собраны данные о влиянии на ход и результаты следствия по делу декабристов родственных связей привлеченных к расследованию лиц. В центре внимания находятся декабристы, избежавшие суда и оказавшиеся в числе административно наказанных, прощенных и освобожденных от наказания или признанных не причастными к делу, несмотря на имевшиеся показания о членстве в тайных обществах (М. Ф. Орлов, П. П. Лопухин, Л. П. Витгенштейн, А. А. Суворов и др.). Опираясь на конкретные случаи расследования и решения участи подследственных, имевших родственников – крупных государственных и военных деятелей, автор выясняет, насколько существенным было вмешательство родственных связей в работу следствия, воздействие влиятельных заступников на его исход. Сопоставление «степени вины» и итогового вердикта следствия позволяет ответить на вопрос о значении внешнего влияния на решение участи обвиняемых. По сравнению с предшествующей историографией привлеченные данные отличаются большей полнотой и детализацией.

Ключевые слова

декабристы, следственный процесс, административное (несудебное) наказание, высочайшее прощение, оправдание, родственные связи

Для цитирования

Ильин П. В. Влияние родственных связей декабристов на следственный процесс 1825–1826 годов: члены семей государственных и военных деятелей, избежавшие суда // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 88–100. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

The Influence of the Family Ties of the Decembrists on the Investigative Process of 1825–1826: Relatives of the Government and Military Leaders who Escaped Judicial Punishment

Pavel V. Ilyin

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

pavilyn1970@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6058-2186>

Abstract

The article discusses the impact of family ties on the investigative process regarding the Decembrists' case. It specifically examines individuals who avoided trial and were instead subjected to administrative punishment, pardoned by

© Ильин П. В., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 8: История. С. 88–100

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 88–100

the Emperor, released from punishment, or recognized as not involved in the case, despite evidence of their participation in the Decembrist societies. Notable figures such as M. F. Orlov, P. P. Lopukhin, L. P. Vittgenstein, and A. A. Suvorov are highlighted. The author aims to determine the extent to which familial relationships impacted the investigative processes and outcomes for defendants who had relatives in positions of power, including prominent government and military officials. By comparing the determined “degree of guilt” with the final verdicts, the article seeks to answer whether external influences played a crucial role in determining the fate of the accused. This analysis reveals a more complete and detailed examination of the subject than previous historiography. The findings suggest that familial connections significantly affected the investigation, resulting in many individuals being excluded from punishment, either through forgiveness or being deemed not involved in the case. The study notes specific instances where relatives of influential officials received reduced sentences, and it highlights how petitions to higher authorities and unspoken pressures, sanctioned by Nicholas I, influenced the course of the investigation. This effect became evident in the expedited handling of cases, a reduction in investigative measures, selective data collection, the dismissal of incriminating testimonies, and an overreliance on exculpatory evidence, all without the usual confrontations present in such investigations. The author concludes that the impact of familial ties is not always evident in the surviving records. There is an implication that, in addition to direct petitions by members of influential families to the Emperor, the highest authorities also considered the interests of prominent government and military figures, likely in an effort to bolster their allegiance.

Keywords

Decembrists, investigative process, administrative (non-judicial) punishment, highest forgiveness, justification, family ties

For citation

Ilyin P. V. The Influence of the Family Ties of the Decembrists on the Investigative Process of 1825–1826: Relatives of the Government and Military Leaders who Escaped Judicial Punishment. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 8: History, pp. 88–100. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-8-88-100

Как известно, в декабристском движении приняли участие представители многих родовитых и аристократических фамилий. Некоторые из них были преданы Верховному уголовному суду, став «государственными преступниками», несмотря на принадлежность к верхнему слою дворянской элиты. Так, в число осужденных вошли выходцы из древних княжеских родов (А. П. Барятинский, Е. П. Оболенский, А. И. Одоевский, С. П. Трубецкой), старинных дворянских семейств (М. П. Бестужев-Рюмин, Н. М. и А. М. Муравьевы, М. М. Нарышкин), немецких рыцарских фамилий (А. Е. Розен, В. К. Тизенгаузен). Не спасли от судебного приговора и родственные связи с влиятельными чиновниками и придворными: среди подсудимых оказались сын сенатора и камергера Ф. Ф. Вадковский, сын обер-гофмейстерины двора С. Г. Волконский, племянник близкого к императорской семье министра А. Н. Голицына В. М. Голицын, единственный сын обер-шенка Г. И. Чернышева З. Г. Чернышев, сын бывшего псковского губернатора и камергера Ф. П. Шаховской, дети нижегородского губернатора А. А. и Н. А. Крюковы, а сын бывшего сибирского генерал-губернатора П. И. Пестель был казнен. Это говорит о том, что при установленной значительной «виновности» даже выходцы из влиятельных и родовитых семейств, дети близких к императору чиновников и придворных не могли рассчитывать на снисхождение. Попытки родителей и родственников смягчить участь преданных суду оказались безрезультатными¹.

Вместе с тем в ходе судебного-следственного процесса 1825–1826 гг. власть оказалась в сложной, во многом щекотливой ситуации. В значительной части случаев высшему чиновничеству и генералитету, призванному быть следователями и судьями, приходилось вершить судьбы представителей того же высшего дворянского слоя, к которому принадлежали они сами. Поведение членов Верховного уголовного суда наглядно это демонстрирует: в отдельных случаях они устранились от голосования за назначение наказания, так как подсудимый являлся их родственником (Восстание декабристов, 1980, с. 157, 162, 165, 170).

Вынесение тяжелого наказания по приговору суда безнадежно скомпрометированным лидерам и активным деятелям антисамодержавной оппозиции было неизбежным. Но в случае установленной в ходе следствия меньшей «виновности» следует предположить, что усилия

¹ См. сопроводительную статью к публикации: «Государь! Исповедую тебе яко боящийся бога»: прошения родственников декабристов о помиловании арестованных. 1826 г. // Исторический архив. 2001. № 1. С. 156–177.

влиятельных родственников оказались более результативными, благодаря чему удалось «вывести из-под удара» некоторых подследственных или значительно смягчить их участь.

В настоящей статье речь идет о наказанных без суда, прощенных и освобожденных от наказания участниках декабристского движения, наконец, о тех, кто был признан невиновным, несмотря на показания о принадлежности к тайным союзам. В каждой из этих категорий есть случаи смягчения наказания или полного освобождения от ответственности, которые можно объяснить, приняв во внимание внешнее воздействие на работу следствия, в том числе влияние родственников связей привлекавшихся к процессу лиц.

В литературе, посвященной следствию и суду над декабристами, вопрос о влиянии родственников связей на вынесение наказания или освобождение от ответственности не стал предметом особого рассмотрения и до сих пор остается недостаточно освещенным. В. И. Басков [1980, с. 64–66] касался этого вопроса, описывая отдельные акты прощения. В обобщающей работе В. А. Федорова, в трудах М. В. Нечкиной только упоминается о влиянии родственников связей на следствие (например, в деле А. С. Грибоедова), внимание обращено на отдельные случаи смягчения наказания или оправдания [Федоров, 1988, с. 215–216; Нечкина, 1955, с. 402; 1982, с. 89–94]. В монографии, посвященной организации работы следствия 1825–1826 гг., сюжет о посторонних влияниях на ход расследования и исключении некоторых обвиняемых из числа осужденных или административно наказанных отражения не нашел [Эдельман, 2010]. В нашей монографии вопрос о смягчении наказания или его полном снятии по ходатайствам родственников освещается более подробно. В частности, обоснован вывод: «К числу главных факторов, влиявших на освобождение от наказания, следует отнести воздействие на следствие и высшую власть родственников и служебных связей лиц, привлеченных к расследованию» [Ильин, 2004, с. 126]. Настоящая статья служит продолжением этой работы.

В категории административно наказанных хорошо известен факт облегчения участи видного деятеля декабристских обществ М. Ф. Орлова. Этот факт связывается с влиянием, которое имел на высшую власть его старший брат А. Ф. Орлов, любимец нового императора и его супруги-императрицы. Правовед В. И. Басков считает: «Заступничество брата хотя и не было решающим фактором в определении судьбы арестованного (царя безуспешно просили за других декабристов не менее влиятельные вельможи), [но] оно помогло Орлову уйти от наказания»: декабрист «не попал ни в первый, ни даже в одиннадцатый разряд» осужденных, «хотя его вина в сопоставлении с другими арестованными была ничуть не меньшей, а в сравнении с некоторыми из осужденных куда более значительной» [Басков, 1980, с. 65]. Действительно, собранный следствием материал позволял выдвинуть против Орлова серьезные обвинения. Главное из них заключалось в знании планов военного мятежа и намерений совершить покушение на императора; к этому примыкало обвинение в недонесении о таких замыслах правительству; каждое из этих обвинений грозило судебным приговором (Восстание декабристов, 2001, с. 186–187). Орлов защищался в показаниях, настаивая на неосведомленности или осуждении этих замыслов. Тем не менее, вряд ли эта защитная тактика привела бы к облегчению его участи, если бы не предпринятые А. Ф. Орловым усилия. В откликах современников его роль в освобождении от суда брата представлена весьма ярко. По словам Д. И. Завалишина, А. Ф. Орлов, «бывший в дружбе с членами <Следственного> комитета... всякий раз, когда арестованному следовало получить вопросные пункты или быть призываемому в комитет, приезжал к нему и говорил, о чем будут спрашивать и что следует отвечать» (Завалишин, 1980, с. 140). М. Н. Волконская писала в своих воспоминаниях: «Его (М. Ф. Орлова. – П. И.) спас брат его... как при помощи ответов, которые он помогал ему давать на запросы, присылаемые в тюрьму, так и в силу благосклонности, которой он пользовался у Его величества» (Волконская, 1904, с. 26). В записках Н. И. Лорера сообщается, что в ответ на просьбу А. Ф. Орлова о прощении брата Николай I отвечал: «Ты просишь у меня невозможного... Подумай, ежели я прощу твоего брата, то должен буду простить

много других, и этому не будет конца» (Лорер, 1984, с. 103)². Современники единодушно: заступничество брата сыграло главную роль в решении следствия – не подвергать М. Ф. Орлова суду. Это решение, санкционированное императором, произвело впечатление на русское общество: оно служило примером произвола при определении участи подсудимых и осталось в сознании современников как акт прощения значительной вины. Великий князь Константин Павлович писал Николаю I: «Одно меня удивляет, что и повергаю со всем доверием на ваше усмотрение, – это поведение Орлова и то, что он как-то вышел сух из воды и остался непреданным суду» (Междоусобица, 1926, с. 196). Важно отметить, что в действительности акт прощения не был таковым, это было решение об административном наказании. Но внесудебная репрессия, в силу ее сравнительной мягкости, воспринималась как прощение вины и полное освобождение от наказания.

В. И. Басков констатирует, что наряду с М. Ф. Орловым «благодаря знатности рода... ушли от ответственности и другие лица, причастные тайному обществу» [Басков, 1980, с. 66]. Представляется, что, говоря о «снисхождении» высшей власти, в виде замены судебного преследования на внесудебные наказания, можно говорить не о «знатности рода» как причине смягчения наказаний, а о наличии влиятельных родственников, близких к императору и его окружению, которые выступали заступниками и просителями, рассчитывая на «снисхождение» монарха к провинившемуся родственнику. Особенно это заметно на примере административно наказанных Н. Н. Депрерадовича и Н. В. Шереметева, расследование дел которых было изъято из обычного порядка, принятого для других декабристов.

Участник Петербургского филиала Южного общества Н. Н. Депрерадович, сын близкого к императорской семье военачальника, генерал-адъютанта Н. И. Депрерадовича, был доставлен собственным отцом «с повинной» к допросу, после чего отдан отцу «под присмотр», в дальнейшем следствие получало от него письменные показания. Несмотря на осведомленность о намерении ввести республику и «истребить императорскую фамилию», о плане выступления 14 декабря, Депрерадович по особому повелению Николая I, отданному еще в разгар следствия (27 марта 1826 г.), не был предан суду, а отделался переводом в армейский полк на Кавказ (Восстание декабристов, 1984, с. 351; 1986, с. 181, 198)³. Член Северного общества Н. В. Шереметев, сын близкого к императорской семье генерал-майора В. С. Шереметева, как и Депрерадович, был отдан отцу «на поруки» (правда, после двухмесячного крепостного заключения), 27 марта последовало распоряжение о переводе в Кавказский корпус [Декабристы, 1988, с. 200] (Восстание декабристов, 1984, с. 351–352). Ускоренное решение дел Депрерадовича и Шереметева, изъятие их из общего порядка расследования имели причиной желание скорейшего решения их участи, проявленное со стороны родственников, а явное игнорирование существенной «виновности» Депрерадовича напрямую связано с заступничеством его отца. Показателен ранний срок вердикта о внесудебном наказании: чем раньше оно выносилось, тем быстрее «пострадавший» мог вернуть себе расположение начальства, заслужить прощение. Таким образом, требование скорейшей отправки к новому месту службы вызывалось не желанием ужесточить наказание, а наоборот – приблизить время, когда можно будет изменить участь лица, подвергнувшегося репрессиям.

Несомненный случай смягчения наказания, обусловленного внешними для следствия факторами, представляет дело участника восстания 14 декабря И. П. Коновницына – сына умершего в 1822 г. военного министра, известного военачальника, пользовавшегося уважением в русском обществе. Его старший брат П. П. Коновницын в силу значительной «виновности» не смог избежать судебного приговора, в отношении же младшего брата, несмотря на его

² Тем не менее, облегчение участи состоялось. Лорер констатировал: «По ходу дела в Следственной комиссии Орлова нельзя было выпутать, и Алексей Федорович ожидал спасения брата единственно от монаршей милости» (Лорер, 1984, с. 103).

³ «Алфавит» А. Д. Боровкова отразил одну из формулировок причины, почему офицер избежал суда: «Его величество во уважение поступка отца (имеется в виду доставление сына на допрос в Зимний дворец. – П. И.) не предал Депрерадовича суду» [Декабристы, 1988, с. 253].

активное участие в «мятеже», было применено административное наказание – перевод в армию под надзор [Декабристы, 1988, с. 84]. По утверждению современника, И. П. Коновницын первоначально получил прощение только «ради заслуг покойного отца» (Вилламов, 1999, с. 226). Николай I оказывал внимание родственникам Коновницына, например, приказав арестованному офицеру написать матери, «чтобы ее успокоить», а через великого князя Михаила Павловича поручил ей передать, что «сын ее будет наказан только шестинедельным арестом» (Яновский, 2001, с. 358). Хотя это обещание не было выполнено, но свидетельства о внимании императора к семье Коновницыных красноречивы: на ходатайства и просьбы членов этой семьи Николай I не мог не реагировать.

Исследователь не всегда располагает документальным подтверждением негласных влияний, воздействовавших на ход расследования 1825–1826 гг. Ходатайства об облегчении участи обвиняемых – деликатная тема, связанная с нарушением законодательных норм в сфере уголовного преследования по делу о «государственном преступлении», поэтому во многих случаях можно только предполагать это влияние. Говоря о декабристах, подвергнутых внесудебному наказанию, к числу подследственных, за облегчение участи которых хлопотали родственники, можно отнести Н. А. Васильчикова (родственника близкого к императору видного военного деятеля И. В. Васильчикова), А. А. Плещеева 1-го (сына камергера А. А. Плещеева, входившего в окружение императрицы Марии Федоровны), Н. Д. Сенявина (сына пользовавшегося поддержкой Николая I адмирала Д. Н. Сенявина). Безусловно, нельзя обойти вниманием «неофициального» родственника императорской семьи В. А. Бобринского, одного из детей А. Г. Бобринского (внебрачного сына Екатерины II) – несмотря на знание политических планов Южного общества и «горячее участие», в них принимаемое, в отношении него был лишь учрежден тайный надзор [Декабристы, 1988, с. 24, 36, 143, 167, 226]. К перечисленным можно добавить Д. А. Арцыбашева, А. Н. Вяземского, А. Л. Кологривова, В. А. Мусина-Пушкина, А. И. Сабурова, П. П. Титова – эти участники декабристских союзов относились к дворянским кланам, имевшим родственников в придворной и высшей административной элите.

Насколько обоснованны наши предположения? В определенной степени ответ на этот вопрос дает недавно опубликованный источник – дневник Н. Н. Яновского о событиях 1825–1826 гг., автор которого получал сведения из петербургских «высших сфер». Документ впервые раскрывает ранее неизвестные данные о попытке облегчить судьбу еще одного административно наказанного – участника восстания на Сенатской площади А. А. Шторха, сына учителя Николая I, ученого-экономиста А. К. Шторха, близкого к царской семье. По данным Яновского, императрица Мария Федоровна обратилась к отцу арестованного со следующими словами: «Сожалю о вас как об отце! Но будьте уверены, что я сделаю в вашу пользу все, что токмо будет возможно» (Яновский, 2001, с. 358, 360). Однако «негативный след» от участия в «мятеже» возоблада над заступничеством императрицы, поэтому Шторх не избежал внесудебного наказания (перевод в армейский полк после крепостного заключения), хотя, может быть, это заступничество спасло его от более серьезной кары [Декабристы, 1988, с. 204].

В целом установленная в ходе следствия «виновность» административно наказанных в большинстве случаев позволяла предать их суду наряду с осужденными. Речь шла об участии в заговоре и мятеже, принадлежности к тайному обществу со знанием политической цели, знании замыслов изменения государственного строя, в отдельных случаях (Депрерадович) – «умысла» цареубийства. Ходатайства влиятельных лиц могли предотвратить отнесение этих лиц к числу преданных суду, смягчить внесудебные репрессии, уменьшить срок крепостного заключения, ускорить рассмотрение дела, в отдельных случаях – изъять из обычного порядка расследования. Обращения родственников (по крайней мере в некоторых случаях), очевидно, влияли на решения императора – кого из «виновных» предать суду, а кого подвергнуть внесудебному наказанию. Однако в количественном отношении влияние

родственных связей на решение участи безусловно скомпрометированных участников движения не могло дать значительного результата.

Гораздо больше случаев «внешнего влияния» на следствие обнаруживается в категории членов тайных обществ, освобожденных от наказания. Отметим, что решение участи ни одной другой категории привлеченных к следствию не зависело в такой мере от высшей власти, как в случае прощенных и избежавших наказания. Для удостоившихся царского прощения участников тайных союзов, возникших после 1821 г., важную роль в благоприятном исходе следствия играла принадлежность к известным в русском обществе фамилиям.

Так, в самом начале следствия «высочайшее прощение» получил внук знаменитого полководца А. А. Суворов. Несмотря на собранный в ходе следствия обвинительный материал (участие в Северном и Южном обществах, осведомленность о заговоре 1825 г.), распоряжения о привлечении Суворова к процессу не последовало, разыскания о нем не проводились – прощение, дарованное после первого допроса потомку известного военачальника, не было нарушено. Примечательно, что справка «Алфавита» А. Д. Боровкова не в полной мере отражает факт собственного признания Суворова в принадлежности к декабристскому союзу: в тексте итогового документа следствия ослаблен обвинительный смысл членства Суворова в тайном обществе, знакомства с его целью [Декабристы, 1988, с. 320]. Акт прощения внука полководца с течением времени приобрел характер исторического анекдота. В этой традиции «замешанный в событиях» офицер предстает как человек, арестованный по ошибке, вследствие дружбы с некоторыми заговорщиками, лишь иногда глухо упоминается участие в тайных обществах: «Возможно, некоторые [его] действия должны были повлечь за собой суровые последствия». Особый акцент делается на желании императора освободить Суворова: «Вопросы государя... были составлены так, что осужденный⁴ неминуемо должен был быть оправдан. Казалось, его допрашивал не судья, но защитник» (Ансело, 2001, с. 84, 85). Варианты рассказа о прощении внука полководца не раз публиковались; некоторые из них повествуют о Суворове-заговорщике, который «принес повинную голову» императору; в других говорится о полной невинности прощенного⁵. Казус Суворова – яркий пример того, как в традиции исторического анекдота прощение реальной «виновности» участника заговора превратилось в миф о справедливом решении монарха, освободившего невинного. Допрос с участием Николая I рассматривался как важнейшее средство самозащиты: он позволял оправдаться в глазах верховного правителя. Иллюстрацией этому служит рассказ О. Ф. Л. Мармона: «Внук Суворова был сильно скомпрометирован. Император пожелал допросить его лично, с целью дать молодому человеку средство оправдаться. На его первые слова он отвечал: “Я был уверен, что носящий имя Суворова не может быть сообщником в столь грязном деле!” – и так продолжал в течение всего допроса. Император повысил этого офицера в чине и отправил служить на Кавказ. Так он сохранил чистоту великого имени и приобрел слугу, обязанного ему более чем жизнью» (Ансело, 2001, с. 268). По оценке исследователей, Суворову «было сделано несомненное снисхождение»: участник декабристских обществ освобожден от следствия, а расследование в его отношении прекращено [Старк, 1995, с. 194]. Пример Суворова, а также упомянутого выше Коновницына показывает, что в некоторых случаях важную роль в исходе следствия сыграло не влияние живущих на момент 1825–1826 гг. родственников, а «символический капитал», связанный с именами пользующихся общественным уважением предков.

К освобожденным от наказания членам тайных обществ, в отношении которых было проявлено «несомненное снисхождение», относится Л. П. Витгенштейн, один из сыновей влиятельного военачальника П. Х. Витгенштейна. Входящий в состав императорской свиты Лев Витгенштейн, по показаниям подследственных, был членом не только Союза благоденствия, но и Южного общества, однако по официальному заключению следствия он принадлежал только к Союзу благоденствия и потому, как большинство членов этого союза, не подлежал

⁴ Неточность автора или перевода: речь идет не об осужденном, а о подследственном.

⁵ См. подробнее: [Ильин, 2004, с. 46–50].

ответственности. Привлеченный к единственному допросу не арестованным, Витгенштейн отрицал знание политической цели общества, в которое вступил, его оправдательная линия нашла отклик у следствия – в итоговых документах отразились только данные об участии в ранних декабристских союзах. Было признано, что Витгенштейн при допросе «оказался невинным», от дальнейшего расследования его освободили. 12 января 1826 г. последовала особая воля Николая I – «не считать его прикосновенным к делу» (Восстание декабристов, 2001, с. 444, 557–558). Дело Витгенштейна представляет яркий случай сворачивания расследования, несмотря на полученные уличающие показания; его участие в Южном обществе могло привести к обвинению в знании планов введения республики, что влекло за собой судебное или административное наказание [Ильин, 2004, с. 65–66].

В отношении участников событий 14 декабря прослеживаются сходные обстоятельства прощения «вины»: офицеры-конноартиллеристы А. Г. Вилламов и А. И. Гагарин, оказавшиеся в числе сопротивлявшихся присяге, принадлежали к близким к императорской фамилии семьям: отец Вилламова на протяжении многих лет был секретарем императрицы Марии Федоровны, а затем возглавил IV отделение Собственной канцелярии, отец Гагарина являлся обер-штаб-майстером двора и сенатором. Несмотря на прямое участие в событиях «бунта», их сыновья получили прощение и были освобождены от привлечения к ответственности⁶.

Определяющую роль в актах прощения «вины» играла близость семей, представители которых оказались в числе арестованных, к императору и его окружению. Существуют прямые указания на участие влиятельных лиц, вплоть до членов царствующей семьи, в судьбе подсудимых. В дневнике императрицы Александры Федоровны есть запись о встрече с А. Ф. Орловым, датированная 22 декабря 1825 г.: «Я просила его прийти, так как хотела спросить его о Федоре Барыкове и узнать, действительно ли он невинен... Сначала мы говорили о Федоре; слава богу, он чист – иначе это было бы ужасно для Varette (В. П. Ушакова, фрейлина Александры Федоровны, невеста Ф. В. Барыкова. – П. И.)» (Междуцарствие, 1926, с. 92). Хотя акт прощения Барыкова уже состоялся, интерес императрицы к одному из помилованных нельзя сбрасывать со счетов при оценке результатов расследования по его делу. Участник Южного общества, ознакомленный с целями декабристского союза, был выведен из-под следствия и исключен из числа обвиняемых. Показательно, что «высочайшее прощение», как видно из дневника императрицы, приравнивало Барыкова к «невинным», «очищало» его от подозрений в участии в тайном союзе.

Единственный сын первого сановника империи, председателя Государственного совета и Комитета министров П. В. Лопухина, П. П. Лопухин, оказался одним из заметных деятелей декабристских обществ. Согласно собственным показаниям, он разделял «сокровенную цель» тайного общества, участвовал в учреждении и первых шагах Северного общества, знал о намерениях «бунта»⁷. Показания других лиц подтверждали это. Смягчал ситуацию отход Лопухина от Северного общества после 1822 г. Лопухин, как и другие руководящие члены Союза благоденствия, освобожденные от наказания (И. А. Долгоруков, И. П. Шипов), упоминались в характерном контексте в «донесении» Следственной комиссии, но без указания фамилий: «Еще три члена, кои потом в разные времена удалились от общества, прекратили всякие сношения с упорнейшими из бывших товарищей своих и тем заслужили, при милостивом прощении Вашего императорского величества, совершенное забвение кратковременного заблуждения, извиняемого и отменной их молодостью» (Восстание декабристов, 1980, с. 26). Сюжет раскрывался в необнародованном приложении к «донесению», предназначенном для сведения императора. «Секретное объяснительное прибавление» объясняло, кто

⁶ Об офицерах Конной артиллерии см.: [Ильин, 2004, с. 53–54]. Дневник Г. И. Вилламова открывает завесу над попытками родственников, прежде всего автора дневника, воздействовать на ситуацию с арестованным сыном (Вилламов, 1999, с. 221–226).

⁷ В записи допроса, снятого В. В. Левашовым, говорится, что Лопухин был участником разговоров о том, что «можно со временем, какими бы то средствами ни было, а особенно при перемене царствования, принудить правительство согласиться на представительное правление» (Восстание декабристов, 2001, с. 438).

и почему не упомянут в Донесении: «По высочайшей воле Вашего императорского величества комиссия в своем общем донесении не наименовала трех членов тайного общества, удостоившихся полного отеческого прощения Вашего, но о коих, однако же, по участию в составлении сих обществ и в некоторых замечательных совещаниях, нельзя было умолчать вовсе. Они (князь Илья Долгорукий, Иван Шипов и князь Павел Лопухин) в докладе означены как члены, искренним раскаянием заслужившие совершенное забвение своего кратковременного заблуждения, извиняемого и отменного их молодостью» (Восстание декабристов, 1980, с. 68). Особый порядок расследования, освобождение от ответственности руководящих деятелей тайного общества, участие которых в декабристской конспирации все же не могло быть скрыто, несомненно, санкционировались волей Николая I. Принадлежность к родовитым фамилиям и семьям видных государственных и военных деятелей стала не последней причиной, определившей сокрытие этих фамилий в итоговом документе следствия.

Насколько существенным было «внешнее воздействие» на следственный процесс, может показать сопоставление обвинительных данных, полученных в отношении прощенных и освобожденных лиц, с системой обвинений, принятых на процессе декабристов. Разница между наказанием, соответствующим обнаруженной «виновности», и реальным вердиктом дает представление о том, какова могла быть участь освобожденных от наказания, если бы не влияние на следствие посторонних факторов⁸. Так, в отношении А. А. Суворова могло быть выдвинуто обвинение по пунктам «бунт» и «мятеж воинский», в связи с его осведомленностью о готовящемся восстании (по «бунту» – «полное знание умысла, но без всякого действия», по «мятежу» – «знание о приготовлениях к мятежу без личного действия со сведениями о сокровенной цели»); в совокупности по двум пунктам обвинения он подлежал ответственности наравне с осужденными по IX–X разрядам. Принадлежность Суворова к петербургскому филиалу Южного общества должна была вызвать подозрения в знании им планов покушений на императора и введения республики. В отношении Ф. В. Барыкова подобных данных не было, однако он знал о политической цели (введение конституции), что влекло за собой по крайней мере наказание несудебного характера. Серьезное обвинение могло быть выдвинуто против А. Г. Вилламова и А. И. Гагарина: формулировка «состава преступления» по пункту «мятеж воинский» могла звучать как «личное действие в мятеже с возбуждением нижних чинов или возбуждение без личного действия», что соответствовало степени «вины» осужденных по IX–XI разрядам. «Состав преступления» П. П. Лопухина позволял выдвинуть обвинение по «второму пункту» («бунт»): «участие в умысле распространением тайных обществ, впоследствии сопровождаемое отступлением от оных». В совокупности с другими видами «вины» этот «состав преступления» соответствовал обвинению подсудимых, осужденных по V–VII разрядам, но, учитывая, что Лопухин не обвинялся по другим «родам преступлений», он должен был подвергнуться наказанию без суда. Следует добавить, что прощенные и избежавшие репрессий лица могли быть наказаны за недонесение о существовании тайного общества и готовящемся «мятеже», но в данном случае следствие предпочло закрыть на это глаза. Если бы верховная власть и следствие соблюдали систему обвинений, принятую на процессе, то значительная часть прощенных и освобожденных от наказания могла подвергнуться суду или внесудебным репрессиям.

Переходя к категории признанных непричастными к делу (невиновными), следует сказать о том, что случаи оправдания от обвинений в принадлежности к тайному обществу и заговору 1825 г. зачастую прямо коррелируют с наличием родственников из числа государственных деятелей и близких к императору лиц.

Характерным примером является расследование по делу А. М. Голицына, племянника члена Следственного комитета А. Н. Голицына, близкого к императорской семье. Спасти его младшего брата В. М. Голицына не было возможности: слишком серьезным было обвинение,

⁸ Сопоставление проводится на основе системы обвинений, отраженных в документах Верховного уголовного суда, см.: (Восстание декабристов, 1980, с. 103–109, 218–222).

включавшее осведомленность о политических целях Северного и Южного обществ (Восстание декабристов, 1980, с. 234). Ситуация со старшим племянником оказалась более благоприятной: А. М. Голицын отрицал свое участие в тайном обществе и знание политической цели, автор уличающих показаний Ф. В. Вольский отказался от первоначальных утверждений о приеме Голицына в декабристский союз, показания других лиц не были приняты во внимание. В итоге следствие пришло к благоприятным для Голицына выводам, он был оправдан и освобожден [Ильин, 2004, с. 250–256]. Наряду с «линией защиты» Голицына исследователь не может исключать заступничества влиятельного родственника в качестве одной из причин, способствовавших снятию первоначального обвинения.

В случае офицеров Конной гвардии М. Ф. Голицына, А. К. Ливена и А. А. Плещеева 2-го принадлежность их семейств к придворным кругам, очевидно, сыграла важную роль в скоротечном расследовании и оправдательном вердикте следствия: Голицын представлял близкий к императорской семье аристократический род, Ливен приходился родным внуком воспитательнице Николая I Ш. К. Ливен, крайне влиятельной в придворных кругах, а кроме того являлся родственником члена Следственного комитета А. Х. Бенкендорфа, Плещеев был сыном чтеца императрицы Марии Федоровны, камергера А. А. Плещеева⁹. М. В. Нечкина, касаясь расследования по делу Плещеевых, отмечала: «В смягчении хода следствия и в доверии к отрицательным показаниям чувствуется сильное влияние императрицы-матери... которая приняла меры для спасения двух сыновей своего любимого чтеца», в результате чего старший брат Алексей Плещеев отделался административным наказанием, причем расследование по его делу не было полноценным. «Все это касается и брата Алексея – Александра... Николай I не тронул и его, освободив перед судом без малейшего взыскания. Заметим, что во многих других случаях знание о существовании <тайного> общества и недонесение на него само по себе считалось тяжелой виной и подлежало взысканию», – заключает историк [Нечкина, 1984, с. 14]. Эти наблюдения указывают на важнейшие признаки «ослабления» следственных разысканий из-за влияния на ход расследования посторонних факторов: невнимание к уличающим сведениям, доверие к оправдательным показаниям (самого обвиняемого или свидетелей), «смягчение» хода следствия (отсутствие необходимых процедур, включая очные ставки), его скоротечность.

Еще одним показательным случаем является расследование по делу И. Ф. Львова – сына помощника статс-секретаря Государственного совета Ф. П. Львова, близкого к императорской семье. Сохранился документ, указывающий на прямое воздействие на ход следствия – и не кого иного, как самого императора. Речь идет об отношении начальника Главного штаба И. И. Дибича председателю Следственного комитета А. И. Татищеву, передающем волю Николая I об ускорении расследования дела Львова и скорейшем выяснении «меры прикосновенности» офицера¹⁰. Разумеется, последствия воли императора трудно переоценить, ее подоплека, благоприятная для привлеченного к процессу лица, не требует пояснений.

Нам осталось упомянуть участников декабристского движения, вовсе не привлекавшихся к следствию («оставленных без внимания»). Среди них тоже оказались родственники государственных деятелей, входивших в окружение царской семьи – С. Ю. Нелединский-Мелецкий (единственный сын близкого к императорской фамилии сенатора Ю. А. Нелединского-Мелецкого), А. А. Оленин (сын статс-секретаря Государственного совета и государственного секретаря А. Н. Оленина), В. А. Римский-Корсаков (сын литовского генерал-губернатора А. М. Римского-Корсакова). Отказ от привлечения к следственному процессу, возможно, был связан с заступничеством перед императором их родственников – во всяком случае во время заочного расследования от них не потребовали объяснений в связи с принадлежностью к тайным обществам.

⁹ О расследовании дел офицеров-конногвардейцев см.: [Ильин, 2004, с. 256–262; 2024б].

¹⁰ Следствие по делу И. Ф. Львова и причины оправдательного решения освещены в наших работах [Ильин, 2004, с. 278–285; 2024а].

Продолжая сопоставление обвинительных показаний со «степенями виновности», принятыми на процессе декабристов – теперь уже в случае тех, кто был официально оправдан, следует отметить, что показания о А. М. Голицыне говорили о том, что он состоял в Северном обществе и, очевидно, знал его политическую цель; такая «виновность» могла повлечь за собой административное наказание. И. Ф. Львов, согласно первоначальным обвинениям, был посвящен в план 14 декабря, а значит, обнаруживалось «знание о предстоящем мятеже без действия» (по роду виновности «мятеж»). Помимо этого, имелись показания о том, что он состоял в тайном союзе и знал его политическую цель («полное знание умысла» по роду виновности «бунт»). Совмещение двух родов «вины» в других случаях влекло за собой предание суду (в пространстве от VIII до X разряда). Согласно полученным показаниям, М. Ф. Голицын, А. А. Плещеев 2-й и А. К. Ливен знали о политической цели тайного общества, а первые двое были осведомлены о готовящемся восстании. Совокупность двух родов «вины» приводила к преданию суду и наказанию в соответствии с VIII–X разрядами. Особенно тяжелым было обвинение по «первому пункту» (планы царевубийства). В этом мог подозреваться С. Ю. Нелединский-Мелецкий, против которого имелись свидетельства о присутствии при обсуждении намерения покуситься на жизнь императора. При подтверждении этих показаний Нелединскому грозило обвинение в «достоверном, но равнодушном» знании «умысла» царевубийства (последний вид виновности по «первому пункту»), что могло поставить его в число судившихся по VII разряду¹¹.

Представленные в статье примеры дают основание для вывода о значительном воздействии на ход следствия родственных связей арестованных. Факты говорят о том, что влиятельные ходатаи сыграли существенную роль при решении участи некоторых подсудимых. Примеры влияния на ход расследования дают случаи родства привлеченных к следствию лиц с крупными фигурами государственного управления и ключевыми деятелями следственного процесса. Большие возможности для воздействия на расследование имели председатель Государственного совета и Комитета министров П. В. Лопухин, члены Следственного комитета А. Х. Бенкендорф и А. Н. Голицын, главнокомандующий 2-й армией П. Х. Витгенштейн, влиятельные придворные Г. И. Вилламов, И. А. Гагарин; в некоторых случаях заступничество осуществляли члены царской семьи.

Признаки влияния родственных связей прослеживаются при анализе результатов следствия: обнаруживается избирательность в отборе информации, тенденциозность выводов. Следователи не стремились довести до конца расследование степени причастности к тайным союзам, не учитывали обвинительные показания (случаи А. М. Голицына, И. Ф. Львова), полностью доверяли оправдательным показаниям, не проводили очных ставок в случае противоречий в показаниях; иногда сбор и анализ показаний просто прерывался (примеры «остановившегося расследования» – дела Л. П. Витгенштейна, А. А. Суворова). Уличающие данные об участии в декабристском обществе и заговоре 1825 г. не отражались в полной мере в итоговых документах следствия и записках, подаваемых на решение императора (случаи И. Ф. Львова, С. Ю. Нелединского-Мелецкого и др.).

Учитывая определяющую роль верховной власти в формировании политики следствия и вынесении наказаний по итогам процесса 1825–1826 гг., нельзя не заключить, что заступничество влиятельных, близких к трону ходатаев, повлекшее за собой смягчение репрессивных решений или полное освобождение от ответственности участников декабристских обществ и заговора 1825 г., проявлялось в форме различного рода просьб и обращений к императору и достигало успеха только с личного согласия Николая I. Вместе с тем, поскольку не все подобного рода обращения отразились в сохранившихся источниках, правомерно допустить, что родственные связи с лицами из императорского окружения могли учитываться Николаем I и без обращений с их стороны; в этом случае смягчение репрессий или освобождение от наказания являлись средством повышения лояльности этого окружения, что

¹¹ Заочное расследование по делу С. Ю. Нелединского-Мелецкого рассмотрено в нашей работе [Ильин, 2004, с. 314–320].

было весьма актуально для императора, вступившего на престол в обстоятельствах междоусобицы и событий 14 декабря.

Список литературы

- Басков В. И.** Суд коронованного палача: кровавая расправа над декабристами. М.: Сов. Россия, 1980. 200 с.
- Декабристы. Биографический справочник. М.: Наука, 1988. 448 с.
- Ильин П. В.** Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб.: Нестор-История, 2004. 664 с.
- Ильин П. В.** Декабристы, оправданные на следственном процессе: случай И. Ф. Львова // Клио. 2024а. № 8 (212). С. 106–114. DOI 10.24412/2070-9773-2024-8212-106-114
- Ильин П. В.** Декабристы, оправданные на следственном процессе: офицеры-конногвардейцы М. Ф. Голицын, А. К. Ливен, А. А. Плещеев // Клио. 2024б. № 9 (213). С. 91–99. DOI 10.24412/2070-9773-2024-9213-91-99
- Нечкина М. В.** Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 506 с.
- Нечкина М. В.** Следственное дело А. С. Грибоедова. М.: Мысль, 1982. 102 с.
- Нечкина М. В.** Предисловие // Восстание декабристов. Документы. М., 1984. Т. 18. С. 7–16.
- Старк В. П.** Портреты и лица. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 271 с.
- Федоров В. А.** «Своей судьбой гордимся мы». Следствие и суд над декабристами. М.: Мысль, 1988. 300 с.
- Эдельман О. В.** Следствие по делу декабристов. М.: Regnum, 2010. 356 с.

Список источников

- Ансело Ф.** Шесть месяцев в России. М.: НЛЮ, 2001. 286 с.
- Вилламов Г. И.** Из дневника // 14 декабря 1825 года: воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 221–226.
- Волконская М. Н.** Записки. СПб.: Эксп. загот. гос. бумаг, 1904. 252 с.
- Восстание декабристов. Документы. М.: Наука, 1986. Т. 16. 400 с.; 1980. Т. 17. 296 с.; 1984. Т. 18. 368 с.; М.: РОССПЭН, 2001. Т. 20. 592 с.
- Завалишин Д. И.** Воспоминания о Грибоедове // Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 128–143.
- Лорер Н. И.** Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 416 с.
- Междоусобица 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 248 с.
- [**Яновский Н. Н.** Дневник]. Еще раз о восстании декабристов (документ из немецкого архива) // Одиссей: человек в истории. Русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 351–378.

References

- Baskov V. I.** Sud koronovannogo palacha: krovavaya rasprava nad dekabristami [The Trial of the Crowned Executioner: The Bloody Massacre of the Decembrists]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1980, 200 p. (in Russ.)
- Dekabristy. Biograficheskii spravochnik [The Decembrists. Biographical Reference-book]. Moscow, Nauka, 1988, 448 p. (in Russ.)
- Edelman O. V.** Sledstvie po delu dekabristov [The Investigation of the Decembrists' Case]. Moscow, Regnum, 2010, 356 p. (in Russ.)

- Fedorov V. A.** “Svoei sud’boi gordimsya my”. Sledstvie i sud nad dekabristami [“We Are Proud of Our Fate”. Investigation and Trial of the Decembrists]. Moscow, Mysl’, 1988, 300 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Novoe o dekabristakh. Proshchennye, opravdannye i neobnaruzhennye sledstviem uchastniki tainykh obshchestv i voennykh vystuplenii 1825–1826 gg. [New about Decembrists. Forgiven, Acquitted and Undetected Members of the Secret Societies and Revolt of 1825–1826]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004, 664 p. (in Russ.)
- Ilyin P. V.** Dekabristy, opravdannye na sledstvennom processe: sluchai I. F. Lvova [Decembrists Acquitted during the Investigation: The Case of I. F. Lvov]. *Klio [Clio]*, 2024, no. 8 (212), pp. 106–114. (in Russ.) DOI 10.24412/2070-9773-2024-8212-106-114
- Ilyin P. V.** Dekabristy, opravdannye na sledstvennom protsesse: ofitsery-konnogvardeitsy M. F. Golitsyn, A. K. Liven, A. A. Pleshcheev [Decembrists Acquitted during the Investigation: Horse Guards Officers M. F. Golitsyn, A. K. Lieven, A. A. Pleshcheyev]. *Klio [Clio]*, 2024, no. 9 (213), pp. 91–99. (in Russ.) DOI 10.24412/2070-9773-2024-9213-91-99
- Nechkina M. V.** Dvizhenie dekabristov [The Decembrist Movement]. Moscow, Izdatel’sтво AN USSR, 1955, vol. 2, 506 p. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Sledstvennoe delo A. S. Griboedova [Investigation Case of A. S. Griboyedov]. Moscow, Mysl’, 1982, 102 p. (in Russ.)
- Nechkina M. V.** Predislovie [Preface]. In: Vosstanie dekabristov. Dokumenty [The Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, 1984, vol. 18, pp. 7–16. (in Russ.)
- Stark V. P.** Portrety i litsa [Portraits and Faces]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb, 1995, 271 p. (in Russ.)

List of Sources

- Anselo F.** Shest’ mesyatsev v Rossii [Six Months in Russia]. Moscow, NLO, 2001, 286 p. (in Russ.)
- Lorer N. I.** Zapiski dekabrista [Memoirs of Decembrist]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’sтво, 1984, 416 p. (in Russ.)
- Mezhduzarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarakh chlenov tsarskoi sem’i [The Interregnum of 1825 and the Decembrist Uprising in Correspondence and Memoirs of Members of the Royal Family]. Moscow, Leningrad, GIZ, 1926, 248 p. (in Russ.)
- Villamov G. I.** Iz dnevnika [From the Diary]. In: 14 dekabrya 1825 goda: vospominaniya ochevidtsev [December 14, 1825: Memoirs of Eyewitnesses]. St. Petersburg, 1999, pp. 221–226. (in Russ.)
- Volkonskaya M. N.** Zapiski [Memoirs]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1904, 252 p. (in Russ.)
- Vosstanie dekabristov. Materialy [The Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, Nauka, 1986, vol. 16, 400 p.; 1980, vol. 17, 296 p.; 1984, vol. 18, 368 p.; Moscow, ROSSPEN, 2001, vol. 20, 392 p. (in Russ.)
- [**Yanovsky N. N.** Dnevnik]. Eshche raz o vosstanii dekabristov (dokument iz nemetskogo arkhiva) [Once Again about the Decembrist Uprising (Document from the German Archive)]. In: Odissei: chelovek v istorii. Russkaya kul’tura kak issledovatel’skaya problema [Odysseus: Man in History. Russian Culture as a Research Problem]. Moscow, 2001, pp. 351–378. (in Russ.)
- Zavalishin D. I.** Vospominaniya o Griboedove [Memories of Griboedov]. In: Griboedov v vospominaniyakh sovremennikov [Griboedov in the Memoirs of his Contemporaries]. Moscow, 1980, pp. 128–143. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Владимирович Ильин, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57222087809

Information about the Author

Pavel V. Ilyin, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57222087809

*Статья поступила в редакцию 17.04.2025;
одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 16.06.2025
The article was submitted on 17.04.2025;
approved after reviewing on 30.05.2025; accepted for publication on 16.06.2025*